

Бен опустился на колени так, чтобы его губы были близко к уху отца и с усмешкой прошептал лишь одно слово. "Умереть." Когда это слово покинуло его губы, он приложил каждую унцию силы, которую получил от удовольствия с Тилис. Глаза отца Бена открылись, когда он задохнулся, а затем так же внезапно перестал дышать, его глаза смотрели безучастно в потолок. Бен встал, улыбаясь; теперь ничто не стояло между ним и полным господством над шлюхами под его крышей.

Бен вышел из комнаты, оставив тело отца там, где оно лежало, забытое и уже не имевшее для него значения. Он вошел в каждую из комнат своих сестер и прошептал им, чтобы они спали. Затем он направился по коридору, чтобы разобраться с единственным смертным, все еще неподвластным ему в этом доме, женщиной, которая дала ему жизнь. Он свернул за угол на кухню и остановился, увидев, как его мать работает на кухне, готовит завтрак для него, его сестер и его никчемного отца. Глядя на нее, пока она ходила по кухне, он был уверен в своих действиях. Человек, который был его отцом, никогда не был достоин этой красоты, которая была его матерью, только он мог оценить и по-настоящему использовать все активы, которыми она обладала, она принадлежала ему и никому другому.

Он протянул нить Похоти к своей матери Джен, в нем были вся страсть и похоть, которые он испытывал к ее телу, и его желание овладеть ею и контролировать ее. Джен застыла в тот момент, когда ее коснулась нить, и вздохнула. Бен мог почувствовать последствия почти сразу, разум Джен был переполнен мыслями о Бене, мыслями о его языке и члене, мыслями о том, как он доставлял ей удовольствие, когда он облизывал ее. Она также была полна желания служить ему, подчиняться каждому его капризу и кланяться его воле. Ее киска сразу промокла, ее тело подготовилось к его члену.

Джен повернулась к своему сыну и сразу попыталась подавить мысли, бомбардирующую ее разум. Она была его матерью, и она не должна так думать. Она затолкала эти мысли дальше в свое подсознание, где они крепко укоренились. Она продолжала задыхаться и задыхаться, когда ее жажда становало все сильнее. "Бен, о, ты рано встал. Я почти приготовила завтрак, разбуди своего отца и сестер?" Она задыхалась, пытаясь взять себя в руки.

Бен подошел к ней и посмотрел ей в глаза. «Нет, мама, мы бы не хотели, чтобы они все-таки отвлекали нас. Что касается завтрака, у меня есть кое-что получше».

Джен смотрела на него своими глазами, тлеющими от похоти, ее мысли становились туманными и неуправляемыми. Запах ее сына наполнил ее ноздри, подавляя запахи пищи. "О чем ты думаешь?" Спросила она, когда он протянул руку и провел ей по ее щеке.

"О тебе." Ответил он. «Я собираюсь насладиться тобой на завтрак, моя дорогая мама».

Джен отошла от сына, оглядывая кухню, словно пытаясь найти выход. «Нет, мы не можем ... Это было бы неправильно, ты мой сын ...» Запнулась она.

Бен шел за своей отступающей матерью, пока она уперлась в прилавок. Затем он протянул руку и развязал ее халат. Он отодвинул ткань в сторону, обнажив ее ночную рубашку. Это была очень красивая рубашка, он был уверен, что его отец любил смотреть на нее, в этой ночнушке. Бен, однако, хотел видеть ее голое тело, и поэтому, когда ее халат упал на кухонный пол, Бен протянул руку, раздвинув лямки ночной рубашки и позволил ей упасть на пол, обнажая ее крепкие груди. У нее было удивительное тело для женщины ее возраста, она много работала, чтобы держать себя в форме. Бен чувствовал, что это все было потрачено впустую до сих пор, его отец Джеймс никогда не был достоин ее тела. Джен покачала головой, слезы навернулись на глаза. "Бен ... Пожалуйста, прекрати это, я твоя мать ..."

Бен хихикнул, пока ласкал ее грудь и трогал ее соски. «Нет, больше нет, Джен. Теперь ты моя сексуальная рабыня, ты и любая другая женщина в этом доме. Ты будешь служить мне своим телом, пока я не устану от тебя, а потом ты будешь служить мне другими способами». Ответил он, прежде чем засосать ее правую грудь и сосок в рот.

Джен пыталась оттолкнуть его, пытался сопротивляться чувствам и мыслям, которые бомбардировали ее разум, но она была всего лишь смертной, а ее сын был полу демоном. Пока он продолжал облизывать и сосать ее грудь и соски, ее сопротивление становилось все меньше и меньше, пока она не прижала его голову к своей груди и не застонала в экстазе. «Да, Бен, да соси грудь своей матери. Это так хорошо, детка».

Бен отступил от Джен и сорвал с нее трусики. «Ты будешь оставаться в таком виде до тех пор, пока не заслужишь право носить одежду. Ты секс-рабыня, а сексуальные рабы не носят одежду в моем присутствии». Зарычал он, толкая ее к столу.

Джен забралась на стол и раздвинула ноги, обнажив киску своему сыну и мастеру. «Пожалуйста, Мастер, ты мне нужен, пожалуйста».

Бен вытащил свой член из штанов, уставившись на голую киску Джен. «Это то, что нужно мне, шлюха; а не тебе. Твои нужды ничего не значат для меня, ты просто рабыня моего члена, никогда больше не обращай ко мне». Зарычал он, когда сунул свой член в ее кису и начал толкать бедра.

Джен издала стон удовольствия, когда ее сын жестко трахал ее. Никто никогда не трахал ее таким образом. Никто никогда не был так груб с ее телом или просто использовал ее для собственного удовольствия. Она всегда была осторожна с выбором любовников, прежде чем вышла замуж за Джеймса. Всегда это был взаимный опыт, теперь это было исключительно для него, он не заботился о ней, и ей это нравилось. Удовольствие, и боль заставили ее переступить порог, когда ее Мастер трахал ее. Это было незадолго до того, как она кончила и доила его член, Бен издал стон, наполняя ее матку своим кровосмесительным демоническим семенем. Когда его семя наполнило ее, все ее желания и мечты, отношение к своим детям и ее материнский инстинкт их защиты пропали, все, что теперь имело значение для нее, - это ее мастер, и его желания.

Бен стоял там с его твердым членом, все еще похороненным в киске его матери, он мог видеть, что он был красным и влажным, немного крови испачкало его член, а на ее бедрах

формировались синяки, но ее глаза были наполнены тоской и подчинением, она принадлежала ему. "Мама." Сказал он, когда протянул руку, чтобы поправить ее ауру. «Я собираюсь изменить тебя, и это будет очень больно. Не стесняйся кричать. Я не остановлюсь, пока не закончу, но это увеличит мое удовольствие от того, что я делаю». Сказал он, когда накрыл их куполом, гарантируя, что никто не увидит и не услышит их, пока он не закончил.

Джен улыбнулась ее сыну и мастеру, пока он не начал манипулировать руками вокруг нее. Ее улыбка быстро превратилась в гримасы дискомфорта, которые в конечном итоге привели к крикам боли, крикам, которые наполнили уши Бена и вызвали улыбку на его губах. Джен кричала, пока ее горло не заболело, и она больше не могла кричать, и все же Бен продолжал манипулировать ее аурой, вызывая еще более грубые крики из ее окровавленных губ.

Бен работал над своей матерью более тридцати минут, тридцать минут извращенного удовольствия для него, и он использовал ее тело, трахал ее влагалище, манипулируя ее аурой и слушая музыку ее криков. Несколько раз ему приходилось вкладывать в нее немного своей энергии, чтобы поддерживать ее жизнь. Он не проводил все это время, работая над ней и делая ее своей рабыней, просто чтобы позволить ей умереть. Она будет жить еще много лет как его личная секс-игрушка. Когда он закончил физически, она не сильно отличалась от прежней. Ее грудь была более упругой, а кожа - более мягкой, теперь ей было уже за двадцать. Ее волосы были такими же светло-рыжими, а глаза сохранили изумрудно-зеленый цвет, который он любил. Однако ее разум и душа теперь полностью изменились. Для одного она уже не была полностью смертна, ее жизнь была связана с его волей, до тех пор, пока он хотел, чтобы она жила, она останется молодой и красивой. Как только он потеряет интерес, она умрет. Во-вторых, ее душа была полностью испорчена, она была такой же эгоистичной и злой, как и он. Не было никакого беспокойства или заботы о других, за исключением него и того, чтобы он был доволен, чтобы она осталась в живых. Все, что она будет делать с этого момента, - это стараться угодить ему, чтобы остаться в живых. Он посмотрел вниз на свой шедевр, когда он вошел в ее влагалище в четвертый раз. «Джен, все готово, ты сейчас такая, какой должна быть. Моя, навсегда».